

С.Н. Мокрицкий

ПУТЬ

ХРИСТИАННА

*настоящая вера
помогает выдержать
испытания*

Сергей Мокрицкий
Путь христианина

«Особая книга»

2012

Мокрицкий С. И.

Путь христианина / С. И. Мокрицкий — «Особая книга», 2012

ISBN 978-5-9797-0019-9

В автобиографическом повествовании рассказывается о нелегких испытаниях, выпавших на долю автора из-за решительного отказа изменить своим религиозным убеждениям. Страницы книги переносят читателя в те времена, когда любое инакомыслие не оставалось незамеченным и жестоко преследовалось. Несмотря на лишение свободы, давление через семью и используемые КГБ хитрые методы вербовки, Сергей Мокрицкий не сошел с избранного пути. Его история показывает, как настоящая вера и надежда помогают устоять в самых сложных ситуациях. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9797-0019-9

© Мокрицкий С. И., 2012

© Особая книга, 2012

Содержание

Начало	5
Мои детские шалости	7
Разочаровываюсь в религии	9
Антихрист	10
Новая власть	11
Оккупация	13
Наша семья узнает истину	14
Первые шаги в истине	15
Филипп	16
Подпольный кружок	17
Чья власть в Украине?	18
Попались, которые кусались	19
Расставание с отцом	20
Расту духовно	21
«Знакомство с винтовкой»	22
Упрямый Макар	23
Мой расстрел	24
Добрый военком	25
Вши	26
Маруся	27
Трудовой фронт	28
Малярия	30
Арест и следствие	31
Суд	33
Первый лагерь	34
Енакиево	35
Дальнейшие испытания	36
Добрая Марта	38
Непростая должность	39
Ложное обвинение	41
Избавление	42
Баня для связи	43
Освобождение	44
Рискованное предприятие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мокрицкий С.И. Путь христианина

Начало

Родился я 27 марта 1928 года на Западной Украине. В селе Лобачевка Берестечковского района Волынской области. Западная Украина к тому времени была частью Польши. Родители мои – Иван Спиридонович и Марфа Трофимовна. Бабушку звали Мария. Дедушка Спиридон так и не дожил до моего рождения.

Дедушка по маме, Трофим, вместе с бабушкой имел возможность познакомиться со мной как с первым внуком.

Для дедушки Трофима и бабушки, маминой мамы, я оказался первым внуком.

Родители мои были крестьянами-середняками, то есть не слишком бедными, но и не богатыми. По национальности – украинцы, а по вере – православные. Отец недолюбливал священников, а мать к религии относилась равнодушно.

Лобачевка (Лобачівка по-украински) – село, в котором мы жили, было немаленькое. Около тысячи дворов. Площадь занимало тоже немалую. О нем ходила такая поговорка: містечко – Берестечко, Лобачівка – город (с украинского: Берестечко – пригород, Лобачевка – город). В селе была православная церковь, очень красивая, и католический костел. Были разные магазины, которые держали в основном евреи. Это был центр села, называли его «містечко». В основном там жили евреи разных специальностей. Жили в нашем селе и поляки. Но их было сравнительно немного. Это были привилегированные легионеры Пилсудского – богатые люди, которые завоевывали под командованием Пилсудского части Украины в 1918 году (см. Приложение 2). Основная часть жителей села – украинцы, крестьяне, труженики сельского хозяйства: бедняки, середняки и немного зажиточных. Было барское поместье. Барин там жил богатый, имел много пахотных земель, сенокоса и леса. На него работали бедняки и имели хоть какой-то заработок.

Как я уже сказал, отец был середняком. У нас было 4,5 гектара земли, 1,5 гектара леса, 1,5 гектара сенокоса. Было две лошади, две коровы, четыре-пять свиней, пять-шесть овец. Рабочих не нанимали, управлялись сами. Отец страдал радикулитом, а также пошаливало сердце, так что маме приходилось несладко. Она делала свою, женскую, а зачастую еще и мужскую работу. Когда мы, дети, подрастали, то работы хватало и нам, особенно в весенние и осенние дни. Приходилось затемно ложиться и затемно вставать.

Мой брат Василий родился в 1932 году, сестра Ольга – в 1936. Сейчас они живут на Северном Кавказе.

Когда мне исполнилось 8 лет, я пошел в школу. Учился на «отлично», несмотря на то что приходилось пасти коров и нянчить сестренку. Школа называлась семилеткой. Уроки проводились на польском. Но был урок украинского языка, если его можно назвать украинским. Чьих только слов там не было! Западная Украина за свою бытность кем только ни была завоевана. Все это нашло свое отражение в языке.

Школа была на расстоянии одного километра от нашего дома, но добираться было нелегко. Дорога не была асфальтирована, после дождя стояла большая грязь, а в класс пускали только в чистой обуви. И детских калош у нас не водилось. По-польски я говорил неплохо, а нашим «домашним» языком был украинский.

В школе преподавались и уроки богословия: по средам – для православных, по пятницам – для католиков. За меня шла борьба между ксендзом и православным священником.

Поскольку у меня польская фамилия – Мокрицкий, ксендз мне говорил: «Panie Mokrzycki, pan jest urodzony polak». – «Panie proboszcz, ja napewno jestem wyrodzony polak», – возражал я (по-русски: «Пан Мокрицкий, ты урожденный поляк». – «Пан, я скорее вырожденный поляк»).

«Победил» православный священник: он взял меня в церковь служить у алтаря. Помню, что труднее и противнее всего было целовать его волосатую руку, когда я подавал ему кадильницу.

Вместе с классом мы ходили в церковь и просили Бога благословить Польшу, чтобы она преуспевала и чтобы Он даровал мир и благополучие. Молились также, чтобы Бог даровал долголетие правительству.

Школа у нас считалась бедной, и учеба была не на высоком уровне, обычно ограничивалась четырьмя классами. Хочешь учиться дальше – принимай католическую веру. Дело в том, что обязательным было только начальное образование. Если кто желал учиться дальше, должен был оплачивать свою учебу. Однако состоятельных людей среди украинцев было немного. Но если православные принимали католическую веру, они имели льготы при получении среднего образования.

Трудности жизни состояли в том, что преобладало сельское хозяйство, не было другого производства, где бы можно было заработать денег и иметь хоть какие-то условия для жизни. Продажи урожая давали низкую прибыль. Были помещики, которые владели землей и лесом. Они продавали землю по очень высокой цене. Однако люди старались покупать, чтобы надеяться на детей, выходящих в жизнь. На таком фоне получение образования часто отодвигалось на потом. Существенно утяжеляли жизнь и долгосрочные кредиты. Кредиты давал банк, под высокие проценты. Без кредитов было трудно вести хозяйство, в результате люди попадали под кабалу процентов.

С Польши донеслась весть о новой религии – «Бадачи письма святого», то есть «Исследователи Священного писания». Их называли просто «Бадачи». Они на велосипедах развозили и продавали религиозные книги и журналы. Помню, как отец ответил на их предложение: «Нет денег купить». Тогда они дали даром. Хотя отец в то время не интересовался этой литературой, но, поскольку предложили бесплатно, отказаться было неудобно. В свое время эта литература сделала свое дело.

Я был любимчиком у мамы, а брат Василий – у отца. Я рос похожим на маму: она была смуглая, и я, как вороненок, черный. Брат, когда родился и рос, был светлым, больше походил на отца. В школе я был отличником, а брат еле зарабатывал на тройки. Он больше хулиганил, и мама не упускала сказать отцу: «Это твой хваленый сынок!» Мне было приятно это слышать, и я старался, чтобы мама имела больше причин указать на меня как на послушного и умного сынка.

Мои детские шалости

Помню, как-то раз отцу здорово попало от мамы. Дело было так. Мне было двенадцать лет. Родители каждый день ездили на уборку урожая или еще куда-то, а мне приходилось нянчиться с маленькой сестренкой. А так хотелось гулять с мальчишками! Но сестренка никак не засыпала. Вечером, когда родители вернулись домой, я пожаловался на то, что ее никак не уговорить. Отец в шутку сказал: «Ты бы подлил ей в молоко самогона, она бы быстро заснула». Я не забыл слов отца и на следующий день применил его «совет». Прямо с утра я подлил самогона в бутылочку с молоком. Но я сообразил, что много вливать не стоит, и добавил по своему усмотрению, на глазок. Вскоре сестренка уснула, а я побежал на улицу к мальчишкам. Часто прибежал в комнату, чтобы посмотреть спит ли она. Смотрю: дышит, значит, все в порядке. Уже вечер, вот-вот должны приехать родители, а она все спит. Я старался разбудить ее, слегка шевелил ее – никак не просыпается. Я брату ничего не сказал о самогоне. Приехали родители, а она все спит. Мама спрашивает, давно ли Ольга уснула. Говорю: «Только что, недавно, перед вашим приездом». – «Ты хоть ее кормил?» – «Конечно». И только на другой день около полудня она проснулась. Прошло немного времени, я убедился, что с ней все в порядке, и рассказал родителям о том, как все было. Конечно, мама меня не похвалила. Но отцу за совет попало здорово.

В школе, хотя я учился хорошо и у некоторых учителей был любимчиком, у меня случались серьезные проделки. Была такая уверенность, что мне все сойдет с рук. Наверное, все знают поговорку «Первого апреля никому не верю». И если обманутый спросит, почему ты ему наврал, он получает ответ: «Ты что, забыл? Сегодня первое апреля», – и всем весело. И вот, в школе я подхожу к директору школы (он поляк, и мы общались по-польски) и говорю ему: «Пан директор, ваш сын Збышек пошел с детьми на речку и там утонул». Он галопом понесся к речке, нашел своего сына живого и невредимого, взял на руки, принес его ко мне и сказал: «Видишь?» Только со временем я понял глупость своей первоапрельской шутки. Понял, что шутить так было нельзя. Я, конечно, был виноват.

Вспоминаю и такой случай: в летний период во время перемены все ученики выходят на улицу, чтобы порезвиться и поиграть. К основному зданию нашей школы делали пристройку. Стены были из бревен и выложены до окон. Досок было там много. Они были разной длины. Мы, ученики, выбрали самую длинную, положили серединой на окно и расселись на концы по обе стороны доски, сохраняя равновесие. Нижняя сторона отталкивалась и шла вверх, а другая сторона доски опускалась. И так по очереди – то вверх, то вниз. На одной стороне доски сидели мальчишки, а на другой – девочки. Я сидел на стороне мальчишек, на самом краю. Когда мы опустились вниз, до самой земли, а девочки были в самом верху, в трех метрах от земли, я соскочил с доски, равновесие нарушилось, и девочки стремительно упали вниз. Если бы нога крайней девочки попала под доску, перелома было бы не избежать. По чистой случайности все сложилось благополучно и для нее, и для меня. Перелома не было, только поцарапало ногу. Девочка пошла в кабинет к директору и рассказала, как было дело. Там сидел православный священник, который должен был после перерыва проводить в нашем классе урок религии. Директор поручил ему разобраться и наказать виновных. Виновным, конечно, был я и был наказан – поставлен на колени у доски. Священник, когда обращался к классу, был обращен спиной ко мне. Он ходил по классу, что-то объяснял. В то время как он был ко мне спиной, а на ней не было глаз, я садился на корточки. Ученики в классе, видя это, сразу поднимали смех. Как только он немного поворачивался, чтобы посмотреть, не я ли это смешу класс, а поворачивался он медленно, так как был пожилой, я уже стоял на коленях. Так повторялось несколько раз. Священник подзывал к себе смеющихся, дергал их за уши, кидал в них пеналом. У меня был в классе друг, и он видел, что мантия священника меня задевает, знаками показал мне,

чтобы я дернул того за край одежды. И если я это сделаю, он даст мне шоколадку. Я ответил ему жестами, что за шоколадку не продаюсь. Тогда он показал мне: что, мол, слабо? Вот это меня уже задело. Я решил доказать, что я не слабак. И когда священник приблизился настолько, что пола его мантии задела меня, я схватил ее и дернул так, что тот немного пошатнулся. И весь класс снова засмеялся. Священник выругался. Возле печки лежало полено, он взял его и приказал мне поднять руки, взять полено и держать его над головой. Я получил двойное наказание – стоять на коленях и держать над головой обеими руками полено. Священник сел в кресло и наблюдал за мной. Полено не было тяжелым, но держать руки вытянутыми вверх очень трудно. Я решил выдержать честно до конца урока, довольный тем, что докажу другу, что я не слабак. Но меня одновременно мучила совесть: ведь я соскочил с доски, и из-за меня девочка поцарапала ногу. Наказания я не выдержал, мои руки онемели, перестали слушаться. Я думал о том, что виноват, конечно, но директор никогда меня так не наказал бы. «А ты, священник, ты жестокий и учишь, что Бог вечно мучает грешников. Этого не может быть», – думал я про себя. Затем я бросил полено под кресло, на котором сидел священник, а сам встал и выбежал на улицу, оставив портфель в классе. Дождавшись конца урока, попросил друзей вынести мне портфель. Пришел домой, а отец уже спрашивает: «Что ты там натворил в школе? Меня вызывает директор. Расскажи все честно. И там мне расскажут. Если расскажешь правду, учту это при наказании». Я рассказал все подробно. Священник пожаловался на меня директору, просил жестоко наказать меня. Директор попросил одну ученицу, чтобы она зашла к отцу и сказала, что тот вызван к директору. Она зашла раньше, чем я вернулся домой. Поэтому отец знал об этом до моего возвращения. От директора он вернулся не очень расстроенным и суровым. О священнике ничего особенного не сказал, может быть потому, что он их недолюбливал. Но за то, что я соскочил с доски, он меня здорово отругал, сказал, что, прежде чем это сделать, я должен был подумать о последствиях. «Это хорошо, что так обошлось, могло быть и по-другому. Как ты сам думаешь, что могло быть?» – «Девочка могла получить несколько переломов». – «Это хорошо, что ты понял, но нужно было об этом подумать раньше».

Разочаровываюсь в религии

С самого детства религия имело место в моей жизни. Как и у многих, у меня она отождествлялась с православием. Я уже упоминал, что в школе преподавались две религии: православная и католическая. Но родители были православными, и священник пригласил меня помогать при алтаре. Мне пришлось участвовать во многих церемониях. Например, в православии есть такой праздник, как родительский день. У нас, в Западной Украине, происходило это так: люди готовили сдобное печенье, колбасу, жареное мясо, расписанные яйца, творог и разную сдобу. Несли все это на кладбище, на могилы своих родственников, там расстилали ковер – обеденное самотканное рядно – и на него выкладывали все, что было приготовлено. Для умерших. По кладбищу проходила процессия со священником во главе, дьякон и певчие. С ними ходил и я. Мое участие заключалось в том, чтобы в кадильнице был ладан и чтобы он постоянно горел, издавая приятный запах. И когда священнику была нужна вторая рука, он отдавал кадильницу мне. Я проверял ее и в нужное время подавал ему. Подавая кадильницу, каждый раз целовал его руку. Когда эта процессия подходила к могиле, священник спрашивал у родственников, кто похоронен. Они отвечали, мужчина это или женщина, и называли имя умершего. После того как священник нараспев произносил «Упокой душу усопшего раба Божьего (усопшей рабы) Ивана (или Степана, Евдокии или Марии)», хор затягивал «Господи помилуй!» трижды. Я обратил внимание, что, если родня была небогатой (эти люди сами годами не ели того, что приготовили для праздничного случая), процессия быстро переходила к другой могиле. Если на другой могиле лежал богатый ковер и на нем богатые яства, первый вопрос священника был прежним, но были и дополнительные вопросы: был ли покойный глубоко верующим, был ли он благодетелем, как часто ходил в церковь. В итоге над такой могилкой причитания длились не меньше двадцати минут. Таким образом проходило посещение умерших родителей. Куда же девалось все с ряжен и ковров? Под руководством церковного старосты и братчиков (так называли верных православных, которые имели обязанности заботиться о церкви) их помощники складывали угощения на повозку и отвозили в помещение, которое называлось дежуркой. Там все это сортировали и затем делили между собой. Конечно, львиная доля доставалась священнику, затем старосте и так далее по старшинству. Во время этого праздника вокруг церкви сидели бедные и голодные, которые не имели никаких средств к существованию. Ничего из того, что находилось в дежурке, им не перепадало. Жители села знали это, поэтому приносили им отдельно, кто что мог. Об этом жители втайне вели разговоры. Они боялись обсуждать церковь и церковных служителей во всеуслышание. Они искренне боялись Бога и говорили: «Не наше это дело».

У нашего молодого священника была дочь, моя одноклассница. Она училась плохо. Священник просил меня помогать ей в учебе. Я старался ей помочь, даже ходил к ним на дом. Она была очень разбалована и ленива. Порой она просто списывала у меня готовые школьные задания. У этого священника было и свое хозяйство – корова и свиньи. И если после вышеупомянутой дележки продукты долго залеживались и червивели, он скармливал их свиньям. Я это видел своими глазами. Ясно, какое мнение могло сложиться у меня в юношеские годы в отношении православия и религии вообще.

Антихрист

Когда из нашего села Лобачевка отступили фашисты, вернулась советская власть. Недалеко от нашего села линия фронта остановилась, на месяц или два, точно не помню. Нас эвакуировали подальше от линии фронта. Отца за отказ служить в армии уже осудили на десять лет. Он прислал первое или второе письмо, уже из лагеря. Конвертов тогда не было, письма складывали треугольничками. Ответ отцу я написал простым карандашом. Но нечем было написать адрес на письме: у нас не было ни чернил, ни химического карандаша. Недалеко жил старик-священник из нашего села. Я подумал, что у него должен быть хотя бы химический карандаш. Зашел к нему в комнату, он читает Евангелие большого формата. Я поздоровался, он не ответил мне раньше, чем закончил читать главу. Затем сложил книгу и только тогда поздоровался со мной, спросил, зачем я пожаловал. Я рассказал зачем. Он сказал, что у него есть чернила и ручка. Я написал на письме адрес и поблагодарил. Он спросил, где мой отец. Отвечаю, что он в Горьковской области, в лагере, что его судили за отказ служить в армии и воевать и осудили на десять лет исправительных лагерей. По этому поводу священник не стал ничего говорить. Но задал мне один вопрос: как я думаю, почему большевики прогнали немцев? Я предположил: наверное, у них оружие лучше? «Нет, большевики признали духовенство, и наши священники под Москвой и Сталинградом вышли на поле боя и благословили крестом победоносным. Вот потому их и погнали». Я ему на это ничего не ответил, хотя в то время уже мог. Еще раз поблагодарил за ручку и чернила и ушел. С этим священником у меня была еще одна встреча, года через два. Пришло время получать паспорт, была необходима справка о моем рождении. В то время так называемые метрические свидетельства находились в церквях. Некуда деваться. Нужно идти к священнику просить метрику, чтобы засвидетельствовать свое рождение. Я пришел снова к нему на квартиру, так как церковь была разбита немцами, он настороженно меня принял, и снова последовал вопрос, зачем я пожаловал.

– Мне необходимо получить паспорт, и нужна метрика о моем рождении. Мне сказали, что метрики пока у вас.

– Да, метрики у меня, но я тебе ее не дам. Почему? Ты отказался от Христа, и поэтому ты антихрист.

Я понял. Он уже знает, что я Свидетель Иеговы. Тогда я спросил:

– У вас Библия есть?

– Есть, – ответил он.

– На основании Библии нужно разобраться, кто из нас антихрист: вы или я.

– Матушка, не давай ему Библии, – ибо матушка уже собиралась дать мне ее. – Что ты хочешь про меня сказать?

– А то, что при Польше вы пели «Боже, благослови Польшу». Когда пришли немцы, в церкви пели «Христос воскрес». А большевики, по-вашему, погнали немцев, ибо признали духовенство, и оно благословило их крестом победоносным. Значит, какая власть – такая и масть?

Священник не нашелся, что ответить.

Новая власть

В 1939 году произошли большие перемены. С запада границу Польши перешли немцы, а с востока – русские. И разделили ее между собой. Мы оказались на территории Советского Союза (см. Приложения 3, 4).

При Польше очень мало проводилась агитационная работа, особенно на селе. Газеты и журналы практически не доходили до обычных украинских сел. Желая как-то участвовать в общественной жизни, люди образовывали кружки. Я припоминаю такой молодежный кружок, в котором состоял отец, назывался он по-польски «Kolo Mlodiezy» («Молодежный кружок»). Был и другой кружок – «Spolem» («Вместе»). С приходом советской власти жизнь на селе начала бурно меняться. Началось с того, что Советскую Армию встречали как освободительницу от панской Польши – с хлебом и солью. Молодежь выходила на улицы в национальных одеждах, с цветами. Ведь пришли свои по крови и по вере. В школах в старших классах появился комсомол, в младших – пионеры. Моих родителей и меня привлекала советская идеология: всеобщее равенство, человек человеку друг, товарищ и брат. Не пан, а товарищ, защитник ближних. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Наша семья приняла эти идеи очень быстро. Я вступил в ряды пионеров, чтобы бороться за дело Ленина, Сталина, за комсомол и обеспеченное коммунистическое будущее. Отец стал агитатором. Образовались так называемые десятихатки: назначили по одному агитатору на десять дворов. Провозглашенный принцип о том, что человек человеку друг, товарищ и брат, действовал недолго. Постепенно стали происходить и другие изменения. Закрыли церковь. Священники разошлись по домам. Стали увеличиваться налоги, что делало еще тяжелее нашу и так не сладкую жизнь. Все это стало подготовкой к колхозу: отдай свою землю, отдай в колхоз лошадей, повозку, сани для зимы и другую хозяйственную утварь. Иди работать в колхоз, будешь зарабатывать трудовни и получать зарплату. А может, и не получишь, если, скажем, брал у колхоза лошадь для вспашки огорода или для поездки на рынок. Если что-то посеяли в колхозе, то на трудовень будешь получать то, что собрали, в зависимости от того, сколько собрали (в граммах на день). Однако люди привыкли иметь свое, пусть и небольшое, а тут перемена: добровольно пиши заявление, вступай в колхоз и тебе укажут, что ты, из того, что имеешь, должен сдать в колхоз. А потом уже получишь то, что тебе выделят из колхоза. То, что человек должен добровольно написать заявление, будто желает вступить в колхоз, стало относительным понятием. Чаше добровольное превращалось в принудительное.

Порой это доходило до абсурда. Местные власти, чтобы выслужиться перед районными и областными властями, уверяя их в активном распространении колхозов, объявляли, что вечером в клубе будет бесплатное кино. Так как во время Польши в селах и понятия не имели о фильмах, а тем более бесплатных, зал набивался битком. После фильма двери закрывались, на сцену выносили столы и сажали секретарей, у которых были подготовленные заявления на вступление в колхоз. Нужно только поставить свою подпись. Делалось объявление: «Теперь, товарищи, будет проходить вступление в «колгосп» (по-русски «колхоз»). Подходите и расписывайтесь». Некоторые, поняв, в чем дело, стали пятиться к дверям. Но там уже стояли молодчики, с засученными рукавами. Спрашивали: «Ты куда? Иди. Распишись!» И били в такое место, где не видно синяков. Тогда люди хлынули обратно, к столам. Оттуда было слышно: «Товарищи, не теснитесь, так работать невозможно. Все запишетесь». Когда об этом «передовом методе» стало известно в районах и области, подписанные заявления аннулировали.

При Польше я закончил 4 класса начальной школы. При переходе на новую, советскую, систему образования всем школьникам было сказано перейти на класс ниже. Так что мне пришлось еще год учиться в четвертом классе. Хотя в учебе произошли перемены (какие?), я все так же преуспевал, был отличником. Стал пионером, с красным галстуком, и написал заявле-

ние в комсомол. Но получил отказ по молодости лет. На всех государственных праздниках я выступал с речами, поддерживая идею коммунизма. Отец добровольно вступил в колхоз, был в нем бригадиром и агитатором, я помогал ему в этом как мог. Однако жизнь во время становления колхозов не улучшалась, а, напротив, становилась тяжелее. Деваться некуда, пришлось терпеть. Все же от своих, а не от польских панов.

Оккупация

В июне 1941 года Германия напала на Советский Союз, и на второй день войны, в понедельник, немцы уже были у нас. На Западной Украине была поговорка: «Быстро пришли и быстро ушли». Я думал, что Красная Армия быстро вернется, поэтому берег свой красный галстук.

Церкви открылись, шла служба. Пели «Христос воскрес», так как сравнивали приход Гитлера с воскресением Иисуса Христа. Мне хорошо запомнился этот день.

Я встретил одну пожилую православную женщину, идущую из церкви. «Христос воскрес», – сказала она мне с вызовом. Я растерялся, потому что в это время года никто так не приветствует друг друга, и ничего не ответил. Тогда она схватила меня за ухо так сильно, что надорвала его, и крикнула: «Ах, ты коммунист, не знаешь, как отвечать? Теперь будешь знать!»

Нас старались убедить, что пришла новая жизнь. Ушли голодранцы, а появились хозяева, которые научат нас правильно жить. Недолго им пришлось нас учить – с 1941 по 1944 год. Однако многие успели разобраться, что у коммунизма и фашизма много общего. Жизнь во время оккупации стала совсем невыносима: все забирали, все грабили. Для победы, для фронта.

С первых дней фашисты начали сотрудничать с украинскими националистами (см. Приложения 4, 5). В районном центре Берестечко пятеро немцев в присутствии местного православного духовенства со всею пышностью, положили руку на Библию, давали обеты быть представителями власти во благо украинского народа. Полицией были исключительно украинские националисты. Они были верны немцам и неуклонно исполняли все указания их власти. Власть объявила особое положение – комендантский час. Тех, кого встречали до восхода солнца, расстреливали на месте. То же самое происходило и после захода солнца. В нашем селе Лобачевка устроили гетто, к уда сгоняли евреев из нашего и соседних сел. Охраняли и способствовали их сбору украинские полиция. В определенное время неподалеку выкопали ров и расстреливали евреев целыми семьями, забирая их из гетто. Расстрелянных во рву сверху присыпали землей, которая несколько дней шевелилась, поскольку там еще оставались живые.

Когда немецкая армия захватила Киев, украинские полиция оставили свою службу, ушли в лес на нелегальное положение и стали бить немцев и вести с ними партизанскую войну. Писали лозунги: «Смерть Гитлеру и Сталину!»

Наша семья узнает истину

В этот период, во время немецкой оккупации, в жизни нашей семьи произошли коренные перемены. Из соседнего села Дыковыны к отцу приехал знакомый «бадач» (в то время у нас так называли Исследователей Библии, или Свидетелей Иеговы). Он вел с отцом беседу около трех часов. Когда он приехал в следующий раз, отец пригласил послушать и меня. В их разговоре меня ничего не привлекло, и я отпросился гулять в село к нашему родственнику, моему ровеснику. Когда мы гуляли, к нам присоединились два соседних мальчика. Это были сыновья того Свидетеля Иеговы, который приехал к нам. Эти мальчики пригласили меня к себе на обед. После обеда, взяв книгу «Арфа Божья», изданную Свидетелями Иеговы, они показали, как изучают ее: один задавал вопросы, а другой писал ответ. Их отец обратился ко мне: «Видишь, как способны дети изучать Слово Бога?» На это я ответил, что хорошо им, ведь у них есть и книга, и столько литературы, а у меня – нет. Он сказал: «У тебя тоже есть. Приди домой и загляни под матрас кровати родителей». Меня это задело, и я подумал: «Почему я не знаю, что у нас дома под матрасом, а он знает?»

Оставив их, я побежал домой – 2 километра. Прибежал, и сразу – под матрас! Удивительно, но под матрасом была спрятана библейская литература. Держать ее открыто в то время было опасно. Шел 1941 год, мне было 13 лет.

Я читал те книги запоем. Когда мне запрещали, я залазил под кровать и читал тайком. Меня не могли найти. Мама, чтобы отвлечь меня от чтения, специально заставляла что-то делать, нянчиться с сестренкой.

С того времени мы с отцом пытались изменить свою жизнь в соответствии с теми новыми знаниями, которые получали из библейской литературы. Отцу было труднее, потому что он выпивал и курил. Помню, как отец несколько раз сжигал все связанное с курением (табак, бумагу для самокруток и даже красивую коробку, где хранился нарезанный табак), но потом снова начинал курить.

Мне было легче: выпивать был молод еще, а курить – не курил. Мама в изучении Библии особо нас не поддерживала, хотя и не препятствовала.

К тому времени в нашем селе еще одна семья начала интересоваться библейской истиной. Это была семья Тихона Плийчука, люди известные в нашем селе. Раньше Тихон был атеистом и председателем колхоза. Как я упоминал, мой отец прежде тоже был агитатором и бригадиром. Люди в деревне говорили, что, вот, они были коммунистами, а теперь стали «бадачами».

В соседнем селе Дыковыны, находящемся в 3 километрах от нас, было собрание Свидетелей Иеговы. Однако ходить туда на занятия отец и Тихон не могли, потому что за ними следили бендеровцы. Те очень враждебно относились к Свидетелям Иеговы. Бывало заходили в дома и смотрели, есть ли иконы. Если нет – заставляли вешать. Бывали случаи, что за отказ убивали.

Время было трудное, и люди прислушивались к вести о Царстве. Христианские сестры много проповедовали, и люди собирались вокруг них, чтобы слушать, порой до двадцати человек. Сестры говорили мне: иди, встречайся с людьми, ты у нас смелый брат. А мне было всего пятнадцать. Удивительно, как я справлялся с участием в проповеди.

В то время моего отца не было дома. После возвращения советских войск он был осужден на 10 лет за отказ служить в Красной Армии. А Тихона при отступлении немцы забрали с собой в качестве рабочей силы. Из братьев в селе остался один я, подросток. А сестер в нашу группу прибавилось. Мы собирались, проводили занятия. Занятия были своеобразные, ведь в то время литература не поступала регулярно, доставали, где могли. Встречи у нас основывались на Библии, мы заучивали стихи и целые главы наизусть.

Первые шаги в истине

Однажды пошел в проповедническое служение с одной молодой девушкой, Янкелиной, которая сама недавно начала изучать Библию. Она была старше меня на два года, очень красивая. У нее было много поклонников. Она попросила уйти подальше от своего села. Мы прошли километров десять до другого села, подошли к крайнему дому. Я говорю ей: «Начнем с первого дома?» Она предлагает: «Давай с третьего». Янкелина опасалась встретить знакомых, так как была известна во всем районе. И что же? Мы постучались в этот дом, и нам открыла девушка, которая кинулась Янкелине на шею: «Вот так встреча! Как это ты оказалась в наших краях, вот так встреча!» Моя спутница покраснела до кончиков ушей и лишилась дара речи. Нас пригласили в дом. Решив прийти на помощь Янкелине, говорю хозяйке: «Теперь ваша знакомая, Янкелина, изучает Слово Бога – Библию, в которой говорится, что эта благая весть должна быть проповедана до края земли, в том числе и в вашем селе. А что мы выбрали ваш дом, не зная, что встретим знакомых, нас, наверное, привел ангел, чтобы и вам, молодой девушке, стала доступной благая весть. Мы являемся Свидетелями Иеговы. Меня зовут Сергеем. А мою спутницу представлять не стану, вижу, вы хорошо знакомы. Мы хотим обратить ваше внимание на несколько библейских стихов, которые говорят о Царстве Божьем, о котором Иисус Христос просил молиться. Вам, наверное, знакомы слова: «Пусть придет твое царство. Пусть твоя воля будет и на земле, как на небе». Именно это Царство Бог вскоре установит, зачитай нам об этом, Янкелина, в Даниила 2:44 («И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»). Она зачитала библейский стих. Тут раздался стук в дверь. Хозяйка открыла, и вошли трое молодых парней, тоже оказавшиеся знакомыми Янкелины. Тут моя спутница совсем растерялась. С их стороны посыпались вопросы: как мы оказались здесь? Нам пришлось объяснять сначала. Таким образом, мы повторили свое преподнесение с последующими библейскими стихами, которые зачитывала Янкелина. Они нас внимательно слушали, хотя вопросов не задавали. На меня посматривали косо. Мы вышли из дома и на улице Янкелина решительно сказала: «Теперь выбирать не будем, будем заходить во все дома подряд». Мы повернули по направлению к нашему селу и заходили в первые попавшиеся дома. К вечеру вернулись домой воодушевленные. Янкелина в дальнейшем стала нашей христианской сестрой и оставалась ею до конца своей жизни.

Филипп

Хочу забежать немного вперед и рассказать один случай, связанный с бендеровцами. В собрание Дыковыны проводить Вечерю Воспоминания смерти Иисуса Христа прислали одного брата, которого звали Филипп. Вскоре брат отправился домой, но дома так и не появился. Начались поиски, и вскоре пастухи нашли молодого брата в лесу, в овраге, убитого, закиданного ветками. Братья поехали за ним, привезли в дом брата Павла Панасюка и похоронили у него в саду.

Узнав об этом, бендеровцы пришли и пригрозили братьям, что если они не выкопают труп и не увезут туда, где его взяли, то все окажутся в этом же овраге. Дали время на выполнение приказа.

Вернувшись, бендеровцы застали братьев, молящихся на коленях. Стали выяснять, почему те не выполнили приказ. И услышали в ответ:

– Мы этого не можем сделать.

– Тогда все окажетесь там!

– В чем мы виноваты? Мы сделали только то, что необходимо делать с мертвым телом.

Тем более, он нам брат!

После этого разговора братьев избили, но оставили в покое.

Итак, наш дорогой брат Филипп по сей день лежит в саду и ждет голоса Иисуса Христа: «Филипп, выходи!» (Иоанна 5:28, 29).

Подпольный кружок

Наша семья и семья Плийчука изучали Библию и журнал «Башня Стражи», каждый у себя дома. Я же начал ходить в кружок (как у нас называли группу) в Дыковыны на изучение Библии. На занятия приходило до 15 человек. Собирались вечером, когда уже темнело, и порой изучали до двух часов ночи при глухо занавешенных окнах.

Как мы занимались? Изучение длилось два часа. В то время в журнале «Сторожевая башня» не было вопросов.

Каждый дома составлял свои и отдавал их служителю кружка, который выбирал для изучения лучшие. Статью в журнале проходили за два занятия.

Это были трудные времена. Только перед рассветом мы незаметно расходились в разные стороны. Мне было особенно трудно, потому что приходилось в вечернее время, в темноте, идти два километра по лесу, а затем огородами до дома брата Петра Ткачука в селе Дыковыны. И рано утром, опять в темноте, возвращаться домой. Тогда мне было всего 14 лет.

Помню, когда шел по лесу, слышал разные звуки, треск, и меня охватывал такой страх, что волосы становились дыбом и ноги не двигались. Тогда я останавливался, снимал фуражку и молился. Через две-три минуты страх куда-то пропал, и я был готов от радости петь. Уже тогда я почувствовал силу молитвы.

Проходя через лес, такое я испытывал по два-три раза. Удивительно, что все это помнится (так живо), словно происходило вчера. Помнятся и журналы «Башня стражи», которые изучал. Мой первый журнал был «Його війна» («Его война», то есть Божья), основанный на книге 2 Паралипоменон, 20-й главе.

Чья власть в Украине?

Наша семья росла духовно в трудные времена. Моего отца бендеровцы били за то, что он отказывался обучаться военному делу. Меня били за то, что я отказывался изучать устройство пулемета. Они готовились воевать, чтобы добиться независимости Украины. Для этого требовались обученные солдаты. Они готовили даже кавалерию, собирали мужчин с лошадьми. Те должны были сделать деревянные винтовки, которыми пользовались во время обучения.

В то время официальная власть была у немцев, движения украинцев боролись за «вільну Україну», бендеровцы и поляки – за свои интересы. Днем властвовали немцы с поляками, ночью – бендеровцы. И те, и другие забирали все, что могли, и избивали людей. Такое положение, видимо, наблюдалось по всей Западной Украине.

В этих условиях братья продолжали проповедовать и помогать друг другу. Иегова же поддерживал и благословлял их. Я уверен, что без помощи свыше наша семья не смогла бы духовно расти и укрепляться. Мы с отцом, после долгих размышлений и колебаний, убедились, что нашли истину, что это вера, которая имеет обоснованную надежду. Ее нужно укреплять, за нее нужно бороться. И вскоре нам пришлось доказывать это на деле.

Попались, которые кусались

Хочу упомянуть, как духовенство относилось к нам, Свидетелям Иеговы. Приведу один случай.

Священник православной церкви вместе с церковным старостой села Дыковыны заявили в район Берестечко в жандармерию, что у них в селе есть коммунисты, которые агитируют народ. К своему заявлению они приложили поименный список наших братьев – Свидетелей Иеговы.

Начальник жандармерии, некий немецкий офицер Калюба вместе с переводчиком, польским немцем и с украинскими полицаями приехали в Дыковыны, чтобы освободить жителей села от коммунистов.

Арестовали всех братьев, упомянутых в списке. У тех в селе было много неверующих родственников, которые подняли шум. Но на них никто не обратил внимания, ведь заявление было от авторитетных лиц.

Жестокой была расправа с коммунистами: приговор должен был быть приведен в исполнение на месте. Но прежде братьев заперли в чулане, так как дело близилось к обеду.

Переводчик пошел к своему знакомому, польскому немцу Киршнеру, который был учителем в Дыковынах. Киршнер удивился, как тот оказался у них в селе. На что переводчик рассказал, зачем приехал – произвести чистку.

Киршнер удивился:

– Чистку от кого?

– От коммунистов.

– У нас нет коммунистов.

– Как нет? Вот их список, – и подал его Киршнеру.

– Это не коммунисты, а верующие, хорошие люди.

– Это ты так считаешь, а священник и церковный староста утверждают другое.

– Что вы будете делать с ними?

– После обеда расстреляем.

– Ты не должен этого допустить, – воскликнул Киршнер.

Переводчик согласился помочь, если Киршнер сам поговорит с Колюбой, но предупредил, что с Колюбой шутки плохи, сказав: «Если это только твое предположение, это может стоить тебе жизни».

Киршнер сам поговорил с Колюбой. Тот, выслушав, велел полицая привести священника и старосту и взять им с собой Библию. Когда они пришли, привели и братьев, сидевших в чулане. Колюба отсчитал патроны по числу братьев и положил их отдельно от двух патронов, приготовленных для священника и старосты.

Колюба велел священнику: «Клади руку на Библию и присягай, что эти люди – коммунисты». Священник увидел Киршнера, который симпатизировал Свидетелям Иеговы, и понял, что дело принимает для него плохой оборот. Он не стал присягать на Библии, а упал в ноги офицеру и стал целовать его сапоги.

Тогда Колюба понял, какие это коммунисты, и пнул священника ногой. Потом ударил его плетью, сказав при этом: «Вас я должен по закону и справедливости расстрелять, но не сделаю этого, потому что у меня есть уважение к священническому сану. Пошли вон отсюда!» Отпустил он также и братьев.

Священник и церковный староста со стыда и боязни расправы от прихожан подались в бега. К утру в Дыковынах их уже не было.

Расставание с отцом

В 1944 году немецкая армия отступила и вернулась советская власть.

Русские произвели поголовную мобилизацию мужского населения в Красную Армию. Из мужчин остались только старики да подростки, такие как я. В то время мне было 15 лет. Все наши братья, в том числе и мой отец, были призваны в армию. Они были решительно настроены сохранять нейтралитет.

Отец, уходя, подзвал меня к себе и сказал: «Смотри, сынок, оставляю тебя за старшего. Сам держись истины и заботься о других в семье. Тебя, наверное, минует моя участь, потому что, думаю, война скоро кончится. Со мною же не знаю, что будет, но я твердо решил быть верным Иегове: оружия в руки брать не стану. Молись за меня».

Отца, и вместе с ним сотни местных братьев, осудили за отказ служить в Красной Армии на десять лет лишения свободы. Они отбывали срок наказания, в большинстве своем, в лагере, в Горьковской области, станция Сухо-Безводная. Письма оттуда приходили редко.

Не получилось так, как думал отец: скоро мобилизация коснулась и меня.

Расту духовно

До этого времени все мы (я, мама, брат и сестра) посещали встречи собрания, на которых присутствовали только старики, сестры и несколько подростков.

Как-то сестра Паличук Кристина на встрече собрания обратилась к сестрам, говоря: «Сестры, есть у нас здесь несколько подростков, наших детей. Мы их должны учить, но и должны слушаться их, потому что они ходят в брюках, а мы в юбках». Сестры дали нам полномочия заботиться о собрании, ведь других братьев не было.

Тогда считалось, что если ты посещаешь собрания и проповедуешь, значит, являешься Свидетелем Иеговы. Крещению не уделялось первостепенного внимания.

Я старался служить Иегове, заботиться о собрании, просил у Бога знания и сил, чтобы помогать другим и самому оставаться верным.

«Знакомство с винтовкой»

Наступил 1945 год. Война еще не закончилась, и я получил из военкомата повестку на допризывное обучение. Ведь я был 1928 года рождения.

Были назначены день и место, куда собрали всех допризывников. Среди нас кроме меня был еще один брат из соседнего собрания, Михаил Войцеховский.

Офицер в звании лейтенанта подал команду: «В строй по четыре становись!»

Я остался сидеть вместе с пятью односельчанами. Офицер прикрикнул: «А вас, что, не касается?». Тогда четверо побежали в строй, а пятый (Макар Добраньский) остался сидеть со мной. Неподалеку в сторонке стоял и Михаил. Страх у меня не было, я почувствовал уверенность и спокойствие.

Тогда лейтенант обратился лично ко мне: «Тебя это не касается?» На что я ответил: «Я в строй не встану!» Он рявкнул:

– Ты хотя бы встань перед советским офицером!

– Я не военный.

– Тогда встань перед старшим по возрасту.

Поднявшись, я извинился.

– Ты почему в строй не становишься? – спросил меня офицер.

– Я – Свидетель Иеговы, поэтому сохраняю нейтралитет, – ответил я.

Он тогда обратился к стоящему рядом моему односельчанину, Макару Добраньскому: «И ты такой же?» Тот ответил: «Да».

Пока разгневанный офицер разбирался с нами, к нам присоединился Михаил.

– И ты такой же? – спросил его лейтенант.

– Да, – ответил Михаил.

Этот разговор происходил на глазах всего строя. Офицер понял, что мы можем отрицательно повлиять на остальных, и решил нас изолировать, отправив в военкомат для дальнейшего перевоспитания.

Во время длительной беседы с лейтенантом я как-то произнес, что у меня нет врагов. «Ах, нет врагов? Пойдем, посмотрим, есть ли у тебя враги», – сказал офицер.

Нас завели в неотапливаемую комнату и приказали раздеться донага. Мы остались, в чем мать родила. В комнате было холодно, от чего на теле появилась «гусиная кожа». Нас била дрожь. Была осень, комната не отапливалась. Казалось, даже на улице было теплее.

Я обратился к Макару: «Макар, ты серьезно решил?» Он ответил: «Да». Тогда я продолжил: «Братья, давайте будем молиться и просить Иегову, чтобы Он дал нам сил устоять в испытаниях. Будем молиться, каждый про себя». Мы так и сделали. Это была не просто молитва – это была мольба.

Офицер военкомата минут через десять заглянул в комнату и застал нас молящимися.

Молитва придала нам сил: мы перестали ощущать холод, куда-то пропала дрожь. Вся процедура воспитания продлилась примерно 45 минут. Чего от нас конкретно ожидали, мы так и не поняли. Но было ясно одно: того, чего они хотели, не получили.

Еще немного продержав нас в военкомате, офицеры поняли, что воспитательные меры не дают эффекта, и решили передать наше дело в Министерство внутренних дел (МВД). Здание МВД находилось неподалеку. Туда нас привел работник военкомата, с предписанием провести с нами, как они это называли, «процедуру знакомства с винтовкой».

«Знакомиться» мы не захотели. Нас убеждали, нам грозили, нас били. Били, пожалуй, больше.

Упрямый Макар

Больше всего доставалось Макару за причину, по которой он не будет брать в руки оружие. Она состояла в том, что Христос сказал: «Кто возьмет в руки меч, от меча и погибнет». Других аргументов у него не было. Мать Макара и его сестры были баптистками, а отец с братом – православными. Кем был сам Макар, трудно сказать. Он был настроен не идти в армию. Когда мы, как Свидетели Иеговы, отказались обучаться военному делу и брать в руки оружие, он присоединился в этом к нам. Поскольку Макар, кроме одного библейского стиха, ничего не знал, офицер МВД догадался, что он не Свидетель Иеговы, а просто к нам примкнул. Считая, что Макара можно перевоспитать, его били больше всех. Но тот выстоял.

Мой расстрел

Думая, что я оказываю влияние на Макара и Михаила, офицер МВД решил меня припугнуть. Пользуясь моей юридической неграмотностью, решили инсценировать мой расстрел. Тогда я не знал, что, чтобы расстрелять человека, необходимы были арест, следствие, суд, приговор, а только затем исполнение.

Меня вывели во двор, поставили под дерево, на моих глазах зарядили пистолет. Офицер скомандовал: «Кругом!»

Обдумав все, что произошло в течение дня, и не найдя ничего, за что я мог бы упрекнуть себя и навести позор на Бога и организацию, точно зная, что буду воскрешен, я не стал отворачиваться и твердо сказал: «Стреляй!»

Он с силой повернул меня лицом к дереву, хотя я сопротивлялся. Долго клацал пистолетом и, поняв, что спектакль не принес результата, ударил меня рукояткой пистолета в затылок. Я потерял сознание.

Как долго я пробыл в таком состоянии, сказать трудно. Первая мысль, появившаяся в голове, когда я пришел в себя, была: «Жив ли я? Если я размышляю, значит, жив».

Офицер, увидев, что я очнулся, стал пинать меня ногами, как мяч. Потом он потащил меня в кабинет, где начал размахивать пистолетом у меня перед носом. Говорил, что может просто нажать на курок – и меня нет. Я улыбнулся. Увидев мою улыбку, офицер закричал: «Ах ты, сволочь, ты еще улыбаешься?!» Поставил меня в угол и начал бить то с правой, то с левой руки, пока у меня не подкосились ноги.

Добрый военком

Те же процедуры проводили с Макаром и Мишей. Из-за того, что мы с винтовкой «не подружились», нас опять направили в военкомат и стали оформлять документы в суд. Военком, подписывая документы, пожелал на нас взглянуть. Он долго разглядывал нас, после чего спросил: «Почему вы не хотите служить в армии?» Я ответил: «Я являюсь воином Иисуса Христа. И одновременно быть воином какой-либо армии не могу. Не смогу угодить военачальнику и Христу одновременно». Тот же вопрос он задал и Мише, и Макару. И получив похожий ответ, сказал: «Не буду я брать греха на душу, отправлю вас на трудовой фронт – в Донбасс, восстанавливать разрушенное. Примерно через месяц будет отправка всех мобилизованных. Когда эта группа будет проходить через ваше село, присоединяйтесь к ним. Смотрите, вы верующие люди, и я вам доверяю. Не вздумайте прятаться. Точный день и время вам сообщат. Готовьтесь».

Вши

Около месяца мы пробыли дома. Мать Макара была недовольна его отказом и считала меня инициатором и виновным во всем. Но Макар ей твердо заявил, что он решил сам.

Мы сделали так, как нам велели. Присоединились к группе и прибыли в областной город Луцк Волынской области. Мы шли пешком около сорока километров, а сумки везли на повозках. Сколько нас было со всего района, я не помню, думаю, около тридцати человек. Мы шли без конвоя, под руководством представителя районного военкомата. Разместили нас в полуразрушенных домах, с настеленной на полу соломой, без спальных принадлежностей. Спали не раздеваясь. Ели то, что взял каждый с собой. Я, правда, не голодал: у меня было и печеного, и вареного около сорока-пятидесяти килограмм.

Город Луцк был сборным пунктом со всей области. С некоторых районов мобилизованных еще собирали, поэтому отправка задержалась более месяца. За это время солома на полу истерлась, практически превратившись в пыль. Мы не переодевались и не мылись, разве только умывались. Так что в одежде, и особенно в соломе, развелись насекомые – белые и черные.

Позже из разговора с одним узбеком я узнал об этих насекомых следующее: белые вши – хорошие, мало кушают и спят. А черные вши – плохие, кушают много, а потом гуляют и гуляют. У нас преобладали черные, соломенная пыль была для них хорошим рассадником.

Маруся

Пришло время, по указанию властей подогнали вагоны на станцию. Один на 80 человек, а другой – на 40. В один вагон загрузили 80 мужчин, а в другой – женщин. Мужчин оказалось больше, и поэтому часть их направили в женский вагон. Мужчины большей частью были старше 55–56 лет, которых уже не брали на фронт.

Это были не пассажирские вагоны, а товарные, без удобств. Спать пришлось на голом полу. Постелить могли только то, что имели из одежды. С собой мы перенесли и насекомых, которые не давали нам покоя.

Нас провожал представитель из Донбасса, мужчина средних лет, и представительница из области, молодая девушка Маруся. В Донбасс мы ехали две недели. Больше стояли на перегонах и станциях, чем ехали. За это время наша проводница Маруся начала оказывать мне знаки внимания, а потом призналась в том, что я ей нравлюсь. Я ей объяснил, кто я такой и что меня везут в Донбасс за отказ служить в армии. Она сказала, что это не помеха и, когда мы приедем на место, она договорится с начальством, чтобы меня устроили на работу ее помощником. Тогда мы сможем вернуться в Западную Украину работать по вербовке следующей партии. Привезем людей в Донбасс, уволимся и уедем к моим или к ее родителям. Поженимся, она узнает больше о моей вере и примет ее.

Она рассказала, как в Донбассе тяжело, люди голодают, все очень дорого. Тогда я спросил у нее: «Как же нам позволит совесть агитировать людей ехать на работу в Донбасс, если там так плохо? Дома в Украине им не хуже живется». Маруся стала уговаривать: «Тогда оставайся здесь и устраивайся на работу, а я поеду в Украину и зайду к твоим родителям, расскажу, как тебе плохо живется. Предложу мой вариант действия, и они согласятся, увидев свою будущую невестку. Тебе же велят соглашаться, если любишь».

Конечно, это предложение было очень заманчивым: хотелось вернуться домой. Да и Маруся была девушкой симпатичной, неплохим человеком, согласилась принять мою веру. Но меня терзали мысли: отправка в Донбасс – начало моего пути к истине, испытание моей веры. У меня появилась возможность нести Благую Весть дальше. Неужели я сойду с этого пути и начну искать своей выгоды? Как посмотрит на это Иегова? Угодно ли это будет ему? Что бы меня ни ожидало впереди, я должен остаться на этом пути (см. фото 1 на вклейке).

Трудовой фронт

В Донбасс мы приехали в феврале 1945 года. Работа была очень тяжелой – по двенадцать, а то и по четырнадцать часов в сутки. Месячного заработка хватало на две буханки хлеба по коммерческой цене. Хлеб выдавался по карточкам – семьсот грамм на день. На первое давали суп-рассольник, на второе – соленые помидоры. Вскоре мы заболели малярией. Несмотря на такие непростые условия, безрезультатные поиски братьев и отсутствие библейской литературы, мы втроем регулярно читали единственную имевшуюся у нас Библию и проводили обсуждение прочитанного.

В конце апреля 25 человек отправили в командировку в Новороссийск, в том числе и нас троих – Михаила, Макара и меня. Там нам стало полегче: менее тяжелая работа и не так голодали. В Новороссийске было два цементных завода. До прихода немцев в Новороссийск, который несколько раз переходил от русских к немцам и наоборот, на этих заводах было много подготовленного к помолу цемента, называемого клинкером. Если его смолоть в специальных мельницах, то получался добротный цемент. В Макеевке, откуда мы были командированы, были мельницы, пригодные для того, чтобы молоть этот клинкер. Нас командировали в составе бригады рабочих, которая должна была грузить этот клинкер на железнодорожные платформы.

Эти платформы мы получали от Донецкой железной дороги. Но не всегда такой состав из вагонов с пустыми платформами, вышедший из Донецка в Новороссийск, доходил до места назначения. Его нередко перенаправляли туда, где была большая потребность в платформах. Тем более, в пути они были в подчинении другой железной дороги. Тогда мы оставались без работы и могли сами искать себе занятие.

Новороссийск был сильно разрушен войной, жизнь была трудной. Жили мы поначалу, в летний период, в заброшенном городском парке, в палатках. Вскоре трава в палатках протерлась в мелкую солому и явилась рассадником блох, все попытки их изжить не удавались. Как только появлялась босая нога, на ней сразу образовывался «носок» или даже «чулок» из блох.

Часто по техническим причинам работа пекарни приостанавливалась. Тогда нам выдавали муку и мы сами пекли на огне лепешки. Когда работы не было, получка была минимальной. В такие моменты мы ездили на Кубань (у нас было две грузовые машины), покупали кукурузу, мололи ее в муку и продавали в поллитровых банках на рынке в Новороссийске. Часто нас брали в помощь рыбаки для ловли кильки на моторных лодках. Тогда вечером нам давали немного кильки. Из нее мы варили что-то вроде ухи, если ее можно назвать ухой. То была разваренная килька.

Как-то раз я, голодный, пошел на «Малую землю» (которую позднее подробно описал Леонид Брежнев в одноименном романе). Она называлась малой, поскольку представляла собой небольшой полуостров в заливе Черного моря. Он имел стратегическое значение в обороне Новороссийска, где была небольшая группа моряков, удерживавшая этот стратегический пункт, который обстреливался немцами со всех сторон. Там были сплошные воронки от мин и снарядов. Сел на берег и опустил босые ноги в воду. Погода была хорошая, а вода – теплая. На мелководье я заметил: что-то шевелится. Я присмотрелся и увидел довольно большого морского краба. У меня слюнки потекли, я изловчился и выкинул его на сушу. Вернувшись домой, нашел котелок, поставил его на четыре кирпича, развел огонь и приготовил краба. Хлеба не было, но я полакомился – высосал содержимое его щупальцев.

Нас перевели из парка в полуразрушенный дом. Это было уже что-то более похожее на жилье. Однажды под утро, хотя еще было темно, вдруг началась невыносимая пальба из всех видов оружия. Спать уже было невозможно. Пронесся слух, будто турки высадили десант. Мы были в ужасе, что вот-вот к нам ворвутся турки. О них говорили разное, но больше всего, что турки – народ жестокий и нам от них хорошего не ждать.

Вышел из своей квартиры прораб. У него был репродуктор: «Не бойтесь, никаких турков не ждите, а стрельба по случаю конца войны! Германия капитулировала! Поздравляю с победой!»

Казалось, будто Новороссийск ожил из руин. Скоро нас отозвали, и мы вернулись в Донбасс, в Макеевку. Город Макеевка – большой промышленный густонаселенный город. В двенадцати километрах от города Сталино (Донецк сегодня), куда по вербовке от военкомата нас и привезли. Там находились крупный металлургический комбинат и шахты. Приехала следующая группа вербованных из Западной Украины. Но Маруси среди них не было. Ее убили бендеровцы. Вербовщик сказал мне: «Ты как чувствовал, что не поехал с Марусей. Тебя постигла бы та же участь».

В то время на Западной Украине активно действовали бендеровцы. Они усиленно старались бороться со всем, что работало на советскую власть. А Маруся работала как сотрудник местной советской власти по вербовке. Из области, города Луцка, в районы посылали разрядку, сколько с того или иного пункта должно быть завербовано. Так что в большинстве случаев эта вербовка была добровольной и вербовщикам приходилось агитировать людей, рассказывая им о том, что их в Донбассе ждет иная, счастливая жизнь.

Малярия

Нас троих, Михаила, Макара и меня, отказавшихся от воинского обучения, как мобилизованных военкоматом привезли в Макеевку для восстановления послевоенной разрухи: отстраивать металлургический завод, который русские взорвали при отступлении, чтобы тот не достался немцам. Что было самым страшным – это голод. Нам было всего по семнадцать лет, почти дети, а пришлось заниматься тяжелым физическим трудом. Механизированных процессов оказалось совсем мало, все приходилось делать вручную. Задача заключалась в том, чтобы взорвать замороженные домны с застывшим металлом и на их месте построить новый металлургический комбинат. Голодные и усталые, мы еле тащили ноги после работы. Через некоторое время меня назначили учеником модельщика. Эта работа была очень интересная, легкая, да и питание стало куда лучше.

Но мы все втроем заболели малярией, которая выматывала последние силы. Основное лечение нам не помогало. Позднее Михаила по болезни «активировали»¹ и отправили домой. Мы с Макаром тоже надеялись на это. Врач, лечившая нас, сказала: «Когда ваша медицинская карта станет потолще, отправлю вас домой». К нашему сожалению, в больнице случился пожар. Вместе с уничтоженными огнем медицинскими картами пропала и наша надежда вернуться домой.

Постепенно малярия нас отпустила. Мы с Макаром решили, что настало время активизировать христианскую проповедническую деятельность. Вскоре мы убедились в своем успехе и благословении.

В 1946 году мне оформили отпуск домой. Макар и Михаил оставались в Макеевке (Михаила комиссовали позднее). Их вызывали в военкомат для призыва в армию. Они отказались. Их спросили: «И Мокрицкий тоже откажется?» Они ответили: «Поскольку он отказался будучи допризывником, то и служить откажется наверняка». – «Он тоже Свидетель Иеговы, как и вы?». – «Да, он Свидетель».

Их не стали судить, так как требовались рабочие для восстановления завода. На нас троих оформили бронь².

¹ Активировать (в данном случае) – освободить от работы на основании акта медицинского заключения (*прим. ред.*).

² Бронь (в данном случае) – документ, закрепляющий за человеком право не быть призванным в армию (*прим. ред.*).

Арест и следствие

Библию мы читали регулярно, это нас укрепляло. Мы молились, старались вести себя богоугодно, не поддаваться ни на какие приманки Сатаны, хотя мы и жили в общежитии, среди молодежи, которая вела распутную жизнь. Мы постоянно пытались найти христианских братьев, но безрезультатно. Их в то время в Донбассе могло еще и не быть. Писем из дома получали совсем мало. Иегова удивительно укреплял, и мы сохраняли свою веру на этом трудном пути. По сравнению с тем, как мы жили в Западной Украине, здесь была совсем другая обстановка. Раньше мы жили с родителями, в семьях. Мы с Михаилом ходили на собрание. Макар тоже был скромным юношей. В Макеевке же завербованная молодежь была другой. Мы не хотели им подражать и просто боялись с ними близко общаться. Хотя с нами не было родителей, не было и братьев, которые могли бы удержать от разврата, окружавшего нас, но жила в нас, хоть юношеская, но воспитанная по Библии совесть, как у молодых еврейских юношей из книги пророка Даниила. Мы старались вести об этом разговоры, размышляли, обсуждали и молились, чтобы Иегова помог нам удержаться на узком пути истины. Понимали также, что проповедь о Царстве поможет нам устоять на этом пути.

Мы встретились с баптистами, и они поначалу приняли нас гостеприимно. Вскоре они узнали, что мы являемся Свидетелями Иеговы, и увидели разницу между нашими верованиями. Многие из них приняли наши взгляды. Когда же с нами побеседовали их проповедники и пресвитеры, положение несколько изменилось. Им стали запрещать с нами общаться. Но многие продолжали искренне интересоваться нашим пониманием Библии: о душе, вечных муках в аду, о небе, о земле и многом другом.

Нами заинтересовался начальник ЖКК (жилищно-коммунальной конторы). Он приходил к нам в комнату общежития и кричал: «Ну что, богомолы?». Другие жильцы при этом спешили покинуть комнату. Тогда он командовал: «Добраньский, становись на лестницу и смотри, если будет кто подозрительный идти, сообщи. А ты, Мокрицкий, доставай Библию и читай, что ты для меня на сей раз приготовил».

Также я регулярно занимался по Библии с молодым секретарем комсомольской организации общежития. Он был хорошим музыкантом и играл на аккордеоне. Стоило мне напеть какую-либо из наших песен Царства, он тут же подбирал мелодию.

Но так продолжалось недолго... Подоспели выборы, и всех жильцов взяли на учет. Школьные учительницы-агитаторы проводили предвыборную кампанию. Я и Макар твердо заявили, что не будем выбирать никого из людей, так как избрали Иегову нашим Царем, Законодателем и Судьей. С нами еще раз провели отдельную агитационную беседу и, убедившись, что мы в выборах участвовать точно не будем, арестовали и меня, и Макара. Михаила с нами уже не было, к тому времени его уже отправили домой.

В Макеевке в течение двух месяцев следствие по нашему делу вел старший следователь КГБ майор Мигаль. Держали нас в тюрьме в городе Сталино. Нелегко сейчас об этом вспоминать. Режим был страшный, тюрьма переполнена, в камерах сидели в «железных рядах». Это означало сидеть на бетонном полу, спина одного упиралась в спину другого, смотрели в лицо друг другу, а ноги наши плотно были прижаты. И так день и ночь. Если захочешь, чтобы ноги отдохнули, договариваешься и протягиваешь их на плечи впереди сидящему, и так по очереди (см. фото 2 на вклейке).

Следователь применял разные методы воздействия, в том числе и физические. Во время допроса в комнате также находился солдат, охранявший следователя.

Следователь выбивал из меня, так сказать, антисоветчину, которой у меня не было. Но по понятиям следствия она должна была быть, и ее нужно было выбить. Солдат слышал, за

что меня бьют. Когда он вел меня обратно в тюрьму, сказал: «Если следователь и завтра тебя будет бить, я его застрелю».

Я видел, что он настроен серьезно, и стал его отговаривать. «Ты застрелишь следователя, на его место придет другой, еще более жестокий, а тебя будут строго судить», – говорил я. Он подумал и сказал: «Имей в виду, если же ты сломаешься и согласишься с требованиями следователя, я тебя застрелю и скажу, что это было при попытке к бегству». Такое искреннее понимание солдатом ситуации укрепляло меня. Я думал о том, как добр Иегова, что не оставляет меня и даже таким способом поддерживает.

Когда солдат меня вел, руки нужно было держать за спиной. Но он мне не разрешал, не хотел чтобы кто-нибудь думал, что я арестованный.

Суд

В конституции СССР провозглашалась свобода религии, свобода совести, свобода слова, свобода собраний и т. д. В процессуальном кодексе не было религиозной статьи и нас судили как политических преступников, так как наши жизненные взгляды расходились. Коммунистическая идеология подразумевала мировой коммунизм, мы же проповедовали Царство Бога на земле.

Суд состоялся 24 марта 1947 года в городе Сталино. За время следствия нас довели до того, что мы стали похожи на человекообразных обезьян – немытые, небритые и за решеткой.

Судья зачитал обвинительный приговор и спросил: «Понятно ли, в чем вас обвиняют? Признаете ли себя виновными?»

– В чем обвиняют нас – понятно, но виновными себя не признаем.

– Почему?

– Наивысший судья Иегова Бог и его сын Иисус Христос повелевают нам проповедовать Царство Бога. И мы Богу как Царю, Судье и Законодателю подчиняемся. Это наша обязанность.

После этого последовал вызов свидетелей.

Первым зашел секретарь комсомольской организации, упомянутый ранее. Направившись прямо к нам, он потянул на себя дверцу перегородки, где мы сидели. На что солдат, охранявший нас, преградил ему путь. Сказав: «Минуточку!», – секретарь попытался отстранить солдата рукой. Судья никак не отреагировал, и солдат отступил. Зайдя к нам за перегородку, секретарь крепко пожал руку мне и Макару. «Держитесь, ваше дело правое», – добавил он.

На это судья пренебрежительно отреагировал: «Комсомольский вожак называется, посадить бы тебя вместе с ними на эту скамью». Тот смело ответил: «Я не против, но я еще не заслужил чести сидеть вместе с ними», – и стал давать показания, оправдывающие нас.

Следующим свидетелем была молодая учительница, которая была агитатором в предвыборной кампании. Именно ей мы и заявляли отказ участвовать в выборах. Судья спросил учительницу:

– Вы знаете Мокрицкого Сергея и Добраньского Макара?

– Да, – последовал ответ.

– Расскажите нам об их антисоветской деятельности.

– Об антисоветской деятельности я ничего не знаю. Они сказали, что в выборах участвовать не будут, потому что выбрали Иисуса Христа своим царем.

– Вы, наверное, все забыли, выйдите и подумайте, – раздраженно сказал ей судья.

Она вышла и за дверями ей, скорее всего, объяснили, что именно она должна вспомнить и как должна отвечать. Однако, когда ее вызвали вновь, учительница ответила, что больше ничего не вспомнила.

Затем зашел комендант общежития и наговорил на нас столько, что хватило бы и для расстрела. Обвинения, в частности, заключались в том, что мы с Добраньским не участвовали ни в каких культурных мероприятиях, тем самым влияли на других и давали повод к антисоветским настроениям.

После короткого совещания суд вынес приговор: пять лет лишения свободы в исправительных лагерях общего режима без поражения в правах. Обвинения по статье 54–10 часть II – антисоветская пропаганда.

Первый лагерь

После окончания суда нас в тюрьме долго не держали и вскоре отправили в местный трудовой лагерь в Макеевке. Библию забрали при аресте как вещественное доказательство. А гражданскую одежду у нас отобрали зэки в тюрьме. Взамен дали какое-то тряпье. В этом мы и отправились в лагерь.

Началась трудовая жизнь. Приходилось до места работы проходить огромные расстояния пешком. Также требовали выработать высокие нормы производства, а пайку хлеба давали мизерную, 700 грамм хлеба (если, конечно, это можно назвать хлебом) нам бросали в подставленную фуражку. Для голодного человека этого хватало на один прием пищи.

С Макаром нас разлучили, его перевели в другое место. В этом лагере не было ни братьев, ни Библии, ни библейской литературы. Там я познакомился с заключенным-врачом Василием Гавриловичем, который тоже отбывал срок по политической статье. В дальнейшем наши дороги с этим человеком еще пересеклись. Кстати, в лагере было несколько таких, как он, врачей-ученых. Помнится, они верили, что кто-то из потомков царя еще жив и мечтали о восстановлении монархии.

Енакиево

Вскоре мне пришлось перейти на новую работу. Меня и старика инженера-металлурга вызвал начальник и поручил новое задание – отлить для столовой лагеря алюминиевые чашки. Через какое-то время мы изготовили достаточное количество чашек, и меня перевели в другой лагерь, находившийся в городе Енакиево, на строительство цементного завода^[1].

На новом месте жизнь пошла по-иному. Здесь были братья и сестры. Братья: Козачук Клим, Кокотень Петро, Гушта Владимир. Сестры: Зажицкая Христина с дочерью Анной Булкой, Гушта и другие. Мы помогали во всем, как могли. Эта была группа братьев и сестер из Западной Украины, которых судили по одному делу. Раньше они находились в соседнем лагере на железнодорожной станции «Фенольная», а затем их перевезли в Енакиево. Тогда еще мужчины и женщины могли содержаться в одном лагере. С братом Петром Кокотнем мы попали в одну бригаду бетонщиков. Как же было здорово работать вместе!

Однажды на стройку приехала правительственная комиссия. Заметив, как я работаю, позвали к себе и стали спрашивать, за что и какой срок я отбываю.

Главный из комиссии так ласково сказал мне: «Вот что, сынок, когда страна получит первые тонны вашего цемента, ты уже будешь дома. Мы будем ходатайствовать перед правительством о сокращении срока, и тебя освободят».

Я поверил и продолжал стараться изо всех сил, но, как оказалось, напрасно...

Дальнейшие испытания

Строительство закончилось, страна получила цемент, а большинство заключенных отправили на север, в Кайский район Кировской области, куда еще царица Екатерина II ссылала неблагонадежных на покаяние. Отсюда и название района – «Кайский».

Мне же не в чем было каяться перед человеческой властью. Я оставался верен высшей власти Иеговы Бога и Иисуса Христа.

Объекты, находившиеся в ведении Управления лагерей МВД, были разбросаны вдоль железной дороги на протяжении девяноста километров по лесополосе и болотистой трясине. Именовалось все это «Вятлагом»^[2].

Вдали от Москвы и Главного управления МВД в лагерях процветало полное бесправие и беззаконие.

В мои обязанности входило вывозить срубленный лес на лошади, запряженной в сани, по ледяной дороге на биржу. Биржей называли склад обработанной древесины, вывезенной из леса. Работа была очень тяжелой. Из лагеря выходили в шесть утра, а возвращались ночью. Необходимо было выполнить норму: две ходки из леса на биржу. Хорошо было, если я успевал вернуться в барак к полночи. Приходил голодный, уставший, промокший до нитки. Одежду сдавал в сушилку, но к шести часам утра она не успевала высохнуть, лишь распаривалась. Утром натягивал мокрую одежду и в лес – на мороз и снег.

В связи с голодом часть одежды пришлось выменять на хлеб. Поэтому я надевал на голое тело телогрейку без пуговиц, застегивал ее алюминиевой проволокой, ватные штаны и стоптанные валенки на босу ногу. Так я продержался месяца два. Однажды утром окончательно простывший, с температурой под сорок градусов, я не смог подняться с нар. Зная, чем это может закончиться, думал, что близка моя смерть.

На работу я тогда не вышел. Нарядчик с начальником колонны пришли за мной в барак. Я лежал на верхних нарах, примерно 1,3 метра от пола. Меня, голого и больного, сдернули с нар на пол. Я упал, ударился головой и потерял сознание. В таком состоянии меня и бросили на полу. С меня уже нечего было взять, я не был пригодным для работы материалом. Таких обычно выносили на улицу замерзать. А затем, констатировав смерть, вывозили из зоны на лагерное кладбище. Как их там хоронили, не знаю.

Почему со мной поступили иначе? Кто-то завернул меня в одеяло и отвез в больницу. Там я долгое время лежал без сознания, с лихорадкой, в бреду. Мне чудилось, что я у себя дома, и не мог понять, почему ко мне никто не подходит. В лагере я ни с кем особо не подружился, а братьев здесь не было. В эту больницу по наряду в качестве врача был направлен Василий Гаврилович, с которым мы познакомились в Макеевке. Еще там я ему понравился за то, что совсем молодым был осужден за твердые религиозные убеждения. Позднее он поделился со мной, что его не покидала надежда найти меня. В нарядной он нашел мою фамилию в списке и узнал, что я числюсь в бригаде возчиков и что нахожусь в больнице.

Помню, это было в воскресенье. Я как раз пришел в себя и мечтал: а вдруг я нахожусь дома и сейчас меня обязательно кто-нибудь проведает.

Вдруг я услышал голос санитаря: «Он очень болен, без сознания, с высокой температурой. К нему нельзя». И в ответ до боли знакомый баритон: «Дайте пройти, я врач, буду работать в вашей больнице». Я увидел на пороге Василия Гавриловича, радостно ахнул и потерял сознание.

После укола я опять пришел в себя. Василий Гаврилович, сидя на кровати, успокаивал: «Не волнуйся, сынок, все будет хорошо. Кризис миновал. Ты обязательно поправишься». И он действительно помог мне поправиться. Кем я был для него, что он так старался? Кто положил ему на разум искать меня и найти?

После болезни я был очень слаб, и Василий Гаврилович выхлопотал для меня разрешение остаться работать при больнице санитаром. Я ездил на кухню за пищей для больных и проводил ее раздачу.

Добрая Марта

На кухне работала поваром немка по имени Марта, с Поволжья. Говорливая, она спрашивала обо всем: какой у меня срок, за что судили, и так далее. Выслушав мою историю, она горько расплакалась. Затем велела мне в следующий раз захватить с собой кроме кастрюль еще и котелок.

Я так и сделал. Она налила туда суп пожирнее, для меня. Вернувшись в больницу, я, колеблясь, вылил тот котелок в общую кастрюлю. И в следующий раз пришел без котелка и набросился на Марту: «Как вы посмели так сделать: отнять у доходяг и дать мне лучшее?» Она расплакалась: «Ты сам голоден, а думаешь о других». А после сказала, что будет готовить мне еду из продуктов, которые получает из дома. А если я опять буду отказываться, она каждый раз будет плакать. Я согласился и спросил: «Кто я для тебя, что ты так заботишься обо мне?» Она ответила: «Ты мне приемный сын, и я буду заботиться о тебе до тех пор, пока ты не поправишься». Для меня это было очевидной заботой свыше.

Но это было только начало моей жизни в том лагере.

Непростая должность

Вскоре меня расконвоировали³ и предложили жить за зоной в вольнонаемной бане. Бывшего работника уволили за воровство и теперь там требовался надежный заведующий и кассир.

Незадолго до того, как с меня сняли конвой, я познакомился с заключенным, который работал прорабом. Он знал, что я верующий – Свидетель Иеговы. Наше знакомство дало ему возможность взглянуть во мне честного и хозяйственного человека. Он сообщил обо мне лагерному начальству как о соответствующей кандидатуре на место завхоза. Я, не посоветовавшись с братьями, принял это предложение. Это включало ответственность за чистоту в жилых помещениях и на территории лагеря, а также руководство обслуживающим персоналом – более пятидесяти человек. Я не подумал о том, что этот персонал – заключенные, люди самого разного сорта. Не учел, что в этой бригаде есть десять воров в законе, которые вовсе не работают, но хотят жить лучше. Мне постоянно приходилось приспосабливаться. Кому-то приказывать, кого-то просить или действовать иными методами, чтобы добиться результата. Приходилось идти на контакт даже с ворами, просить их о помощи. А договориться с ними было проще, чем с начальством. Быть в лагере среди того контингента хоть каким-то начальником и оставаться при этом христианином стоило невыносимых усилий. Там другие манеры, другой язык, другой мир.

Работа и отношения потихоньку наладились. Приезжали две комиссии, которые признали лагерь лучшим по чистоте. Начальство оставалось мною довольно, вынесли благодарность с занесением в личное дело. Прораб тоже был доволен, ведь он меня рекомендовал. Я же старался избавиться от этой не совсем подходящей христианину обязанности, обращался к начальству, но они и слушать не хотели. Тогда я начал сознательно игнорировать некоторые их указания. Одно из них – лагерь в выходной день должен был выйти на субботник косить траву для конюшни. Должна была выйти и моя бригада. Я собрал мужчин лет пятидесяти, человек двадцать, и пошел косить траву вместе с ними. Это было нарушением, поскольку я должен был постоянно находиться в лагере и смотреть за ним хозяйским глазом. А я оставил его на целый день. Вечером, когда возвращались в лагерь, нашу бригаду встречали у ворот с музыкой: мы накосили больше, чем все остальные. Заместитель начальника лагеря Яковлев вызвал меня вечером к себе и говорит: «За косьбу благодарю, а за то, что оставил лагерь без хозяйственника, – пять суток изолятора». – «Разрешите идти, гражданин начальник?» – «Иди». Я пошел в изолятор. Там дежурил работник из моей бригады. Спросил его, есть ли свободные места в изоляторе, он сказал, что есть. «Тогда дай мне матрас, одеяло и подушку, я пойду отдыхать». Он спросил: «А постановление есть? Без постановления я не могу принять». – «Постановление будет, Яковлев распорядился дать мне пять суток изолятора, значит, будет постановление». – «А за что?» – «Давай постель, я пойду отдыхать. Я сегодня потрудился на косьбе». – «Да, я слышал, как вас встречали с музыкой. Иди, отдыхай». Так я и сделал.

Тот же начальник, Яковлев, на следующий день захотел поговорить со мной по поводу одного помещения. Послал посыльного, тот искал меня по всему лагерю и не нашел. Вернулся к начальнику и доложил, что поиски не увенчались успехом, нигде нет. Начальник по телефону звонит в изолятор и спрашивает, нет ли у них Мокрицкого. Там отвечают: «Он сказал, что Вы дали ему пять суток и что будет постановление». – «Я накажу тебя за то, что ты принял его без постановления, мало ли что он тебе сказал? Теперь слушай, что я тебе скажу. Чтобы Мокрицкий был у меня через десять минут, под твоим личным конвоем». Тот привел меня, и Яковлев начал кричать: «Ты что же хозяйничаешь? Что ты себе позволяешь?» – «Гражданин началь-

³ Расконвоировать – предоставить заключенному возможность находиться и перемещаться в пределах населенного пункта без конвоя (*прим. ред.*).

ник, вы сказали про пять суток изолятора. Я спросил, идти ли. Вы сказали: иди. Я понял, что идти в изолятор. Кроме того, в лагере говорят, что «Яковлев зря трепаться не любит: сказано – сделано». – «Так говорят?» – «Да, так говорят», – ответил я. – «Правильно говорят. Но на сей раз я тебя прощаю. Нарушишь еще раз – десять получишь». Но как же уйти с этой должности? Я все больше убеждался, что эта работа не для меня.

Ложное обвинение

Вольнонаемная женщина работала на коммутаторе сменщицей. Она попросила меня зайти к ней на квартиру и замерить проемы зимних оконных рам, которые собиралась заказать в столярке. Когда рамы были готовы, она попросила меня подогнать их на место. Я сделал эту работу. Она предложила сесть за стол и пообедать. У меня не было такого желания, но она настаивала, и я согласился. Вместе с ней в квартире жила ее мать, они не ладили и были в натянутых отношениях. А рядом с их квартирой жил начальник режима лагеря, капитан Кропоткин. Мать жаловалась ему на дочь и заодно сказала, что дочь держит ее впроголодь, а кормит заключенных – указала на меня. Эти слова мне аукнулись в самое ближайшее время. Кропоткин закрыл мне пропуск на основании того, что я, заключенный, сожительствую с вольной женщиной, о чем свидетельствует ее мать. Я сдал пропуск и потерял возможность выходить за зону. Мой непосредственный начальник посылает меня за зону, а я ему заявляю, что у меня нет права выхода, поскольку начальник режима капитан Кропоткин закрыл пропуск. Тот спросил за что. Я ему говорю: «Лучше будет, если он вам сам скажет». Вскоре вызывает меня заместитель начальника лагеря Яковлев, у него в кабинете сидит мой непосредственный начальник КБЧ (коммунально-бытовой части) и сам Кропоткин. Он им уже рассказал свою версию. Яковлев говорит мне: «Начальник режима уже все нам рассказал». – «Вы ему поверили?» – «Что за вопрос, Мокрицкий. Он офицер, начальник режима, мы обязаны ему верить». – «Значит, Вы мне можете не поверить только потому, что я заключенный?» – «Мокрицкий, отвечай на вопросы. А верить или не верить – будет видно. Ты ее знаешь? Как знаешь и как познакомился?» – «Она работает оператором на коммутаторе. Я заходил туда по работе. Вы знаете, что все в поселке меня знают и обращаются за помощью в быту. Кто-то ей посоветовал обратиться ко мне по поводу двойных окон, и я согласился помочь, видя состояние ее заработка. Женщина без хозяина и с престарелой матерью на иждивении. Я сходил, замерил проемы окон, занес в столярку и заказал ей рамы. Рамы сделали, она оплатила. Опять проблема – подгонка рам на место. Она уж очень просила меня подогнать рамы, и я согласился помочь бесплатно, учитывая ее положение. Мне не так трудно было сделать это. Она решила меня покормить. Я отказывался, но она уж очень упрашивала, и я согласился, чтоб не обидеть ее отказом. Вот и все». Начальник сказал, что они также допросили и ее. Женщина твердо заявила, что все подозрения надуманны: «Я ему чуть ли не в матери гожусь!». – «Видишь, капитан, он правду говорит? Молчишь? Значит, правду!» – Яковлев нецензурно обругал Кропоткина при мне и спросил, где мой пропуск. «На вахте». – «Пиши вахтеру, чтобы вернул Мокрицкому пропуск». Я поблагодарил, пошел на вахту. И на сей раз меня оставили на этой невыносимой для меня должности завхоза.

Избавление

В нашем лагере была одна женщина – начальник медсанчасти. Хороший врач и порядочный человек. С заключенными она обходилась как с людьми, и все ее уважали. Она вступалась за заключенных, не давала их в обиду. Как-то раз она обратилась ко мне: «Слушай, завхоз, я знаю твой авторитет в зоне и за зоной. Тебя знают. Ты имеешь знакомство в столовке. Мне нужен бельевой шкаф. Я могла бы заказать сама, но знаешь, сколько с этим волокиты. Ты поговори со столярами, я могла б через тебя их отблагодарить. Я знаю, что они не откажутся». – «Да, гражданин начальник, я помогу. Только давайте так: услуга за услугу?» – «Хорошо, если я смогу оказать тебе такую услугу». – «Эта услуга, гражданин начальник, по Вашей части. Вы, как начальник медсанчасти, знаете, что за время моей работы завхозом в лагере по вопросу чистоты произошли улучшения. Честно говоря, это мне далось с огромным трудом, это влияет на состояние моего здоровья, я постоянно на грани нервного срыва. Дело в том, что у меня есть серьезный «недостаток», который не исправим. Я не научился ругаться, материться. А в лагере другого языка не понимают. Чтобы добиться результата в работе, мне приходится унижаться, просить или угрожать, а это не в моей натуре. Я уже старался разными путями освободиться от этой работы, но начальство и слушать не хочет. Я прошу вас мне помочь. Учить вас не стану, вы лучше знаете, как что сделать, чтобы меня освободили от этой должности». – «Где ты хочешь работать?» – «Все равно, что предложат, хоть и физически, я не против. А со шкафом я помогу. Даже если вам будет трудно мне помочь». Начальник медсанчасти представила документ, который освобождал меня от работы завхозом по причине ухудшения состояния здоровья. Начальник лагеря мне сказал: «Что, Мокрицкий, добился своего? Я тебя понял. Но начальник медсанчасти – это такой начальник, которому должен подчиняться, в некоторых случаях, и начальник лагеря. Я посоветуюсь с начальником по коммунальной части о том, какую работу тебе поручить».

Баня для связи

Итак, мне предложили работу за зоной, в вольнонаемной бане заведующим и кассиром. Я посоветовался с братьями, которых к этому времени в лагере было человек десять. Братья не были против. К тому же я смог бы приносить им из поселка что-нибудь из продуктов. Но пользы от этого оказалось еще больше. Сестры, которые приезжали на свидания к братьям, привозили библейскую литературу и продукты и оставляли их у меня в бане. Хотя со мной работали два кочегара, они были украинцами из Закарпатья – земляки, бояться их было нечего. Баня находилась в одном километре от лагеря, и я мог относить литературу и продукты братьям в лагерь. Это оказалось очень удобным и безопасным вариантом.

Не могу не упомянуть об одном человеке. В руках у меня наш Ежегодник за 2008 год. На странице 91 брат Петр Кривокульский рассказывает про девушку Лидию Булатову, которая интересным образом познакомилась с библейской истиной. Она жила в Горьковской области. Лидия неоднократно приезжала в наш лагерь к своему отцу и оставляла у меня в бане библейскую литературу и продукты. Жаль, что Петр Кривокульский уже умер, и я не могу рассказать ему, какой ревностной была сестра Лидия.

Освобождение

Поселок, по которому я мог ходить без конвоя, назывался Лесное. Жители поселка обслуживали лагерь. Я с ними хорошо сжился, они доверяли мне во всем. Я им помогал: стеклил рамы, на зиму вставлял двойные стекла, помогал копать картошку. Еще я сотрудничал с местным детским садом, обеспечивая их продуктами. Часто, проходя по поселку, я слышал, как завидевшие меня в окно дети кричали: «Дядя Сережа!».

Если начальник лагеря уезжал в отпуск, я жил в его доме. Мне поручалось присматривать за его домом и дочерью-школьницей. Когда она добросовестно справлялась с домашним заданием, я должен был давать ей деньги на кино. А если отказывалась, отец велел денег ей не выдавать.

Согласно установленному порядку, перед освобождением всех бесконвойных загоняли в зону на месяц. Однако начальник, который отвечал за освобождающихся заключенных, заранее предупредил меня, что мне потребуется зайти в зону лишь на сутки, только чтобы переночевать перед освобождением.

Итак, ночь перед освобождением я провел в лагере. К девяти утра я пришел на вахту с чемоданом, в котором было две пары байковых портянок и пара белья. На вахту зашел начальник режима, уже известный нам капитан Кропоткин. Он злобно спросил: «А что тут делает заключенный Мокрицкий? Заключенным в помещении вахты быть не положено». – «Извините, сейчас придет начальник УРЧ и выведет меня с вахты. А пока я нахожусь здесь по знакомству». – «Пропускники перед освобождением должны жить в зоне целый месяц. А ты только одну ночь переночевал, тоже по знакомству?» – «Спросите об этом начальника УРЧ, вот он как раз идет». Тот услышал наш разговор и говорит: «Мокрицкому пришли зачеты рабочих дней из лагеря с Украины, и он уже пересиживает свой срок. Так что он отбыл срок честно, и теперь его будет не хватать всему поселку. Вы согласны с этим, товарищ капитан? Пожелаем ему хорошего пути и счастливо добраться к своей семье: родителям, брату, сестре и бабушке, которые живут в Сибири».⁴ Кропоткин недовольно повернулся ко мне: «Открой чемодан». Я открыл. В чемодане было две пары белья и несколько пар байковых портянок. «И это все?» – «Все», – ответил я. – «Два года был кассиром и больше ничего себе не приобрел? В жизнь не поверю!» – «Я был честным кассиром, товарищ начальник. Выручку всю сдавал, можете проверить по бухгалтерии». – «Нет, не верю, я должен его задержать на два часа и послать в баню надзирателя, чтобы проверить, нет ли чего там из его вещей». Начальник УРЧ говорит: «Ты не имеешь права его задерживать без постановления». Я же был спокоен, зная, что там ничего не найдут: я заранее все убрал, вплоть до самой маленькой записки, а парни из Закарпатья ему ничего не скажут. Я согласился задержаться на два часа. Кропоткин послал надзирателя, и тот вернулся ни с чем. Так я вышел на свободу.

⁴ К тому времени родных сослали в Сибирь в связи с акцией органов госбезопасности, о чем рассказано ниже (*прим. авт.*).

Рискованное предприятие

Перед самым освобождением мне пришла в голову идея встретиться с Петром Ткачуком. Брат Петро из села Дыковыны, к которому я ходил четырнадцатилетним мальчиком на изучение Библии, был осужден на десять лет за отказ от военной службы и отбывал свой срок в Горьковской области. Вместе с другими братьями он работал без конвоя. Братья активно проповедовали, и многие из слушавших их приняли истину. Среди них был брат Булатов, которого в дальнейшем направили отбывать наказание в наш лагерь Лесное Кировской области.

Петра Ткачука за проповедническую деятельность судили повторно и направили в особо строгий лагерь, который находился в девяноста километрах от места, где я отбывал свой срок. В той системе лагерей никаких свиданий с родственниками не давали, но мне очень хотелось его увидеть.

Я узнал, что забор вокруг лагеря, где находился Петр, проволочный и можно увидеть друг друга и поговорить, пока не прогонят. Я загорелся мыслью повидаться с Петром и поговорить с ним хоть несколько минут.

Я поделился этой идеей со старшим по возрасту Петром Харчием. Он меня выслушал и спросил: «Ты понимаешь, что задумал? Тебе придется проехать девяноста километров по железной дороге, которая принадлежит МВД, и на каждой из станций их сотрудников не меньше, чем железнодорожных шпал. Да и в вагоне тебя могут проверить. Несмотря на то что ты уже вольный, тебя могут снова судить. Ты им скажешь, что едешь на свидание к дяде Ткачуку Петру? Скажут, что ты в лагере за пять лет так ничего и не понял. Тогда тебе на свидание нужно в сумасшедший дом. Этого может и не быть, если свершится чудо. А если чудо не свершится, ты готов к тому, о чем я тебе сказал?»

«Готов», – ответил я.

«Тогда молись, – сказал брат, – и я буду молиться, чтобы все закончилось хорошо».

Обычно, когда заканчивался срок, давали справку об освобождении, а паспорт можно было получить только по месту жительства. Начальник же, у которого я работал на дому, спросил меня: «Как ты, Мокрицкий, относишься к тому, что на основании справки об освобождении сразу получишь паспорт? Приедешь домой уже с паспортом, останется только прописаться по месту жительства. Мы это не часто делаем, но если хочешь, я для тебя организую».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Енакиево – промышленный город Донбасса, известный своими заводами. Это место поселения людей ведет свою историю с 1783 года. А название свое он получил в конце XIX века в честь промышленника Федора Енакиева, одного из «отцов-основателей» Донбасса (прим. авт.).

2.

Вятлаг (Вятский исправительно-трудовой лагерь) – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей в системе ГУЛАГ, существовавший с 5 февраля 1938 до 1960-х годов. Располагался в Верхнекамском районе Кировской области (частично в Коми АССР), в 371 километре от областного центра, города Кирова. В среднем, в лагере содержалось по 15–20 тысяч заключённых. Площадь лагеря составляла примерно 12 000 км². К концу существования насчитывал 38 лагерных пунктов. Занимался, в основном, лесозаготовкой. Лагерь отличался сложными условиями проживания, так как находился в болотистой местности с высокой влажностью (в среднем – 80 %) (прим. ред.).